

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

Аграрно-крестьянская тематика всегда являлась одной из «доминант» в историографии новой и новейшей отечественной истории. Тем не менее в исследованиях общественно-политического и социально-экономического развития России в начале XX века крестьянские сюжеты занимают особое место. Первая треть двадцатого столетия стала наиболее трагическим периодом в истории российского крестьянства. Крестьянство вовлекалось в модернизационные социальные процессы, которые вели к глубокой трансформации основ (организационно-хозяйственных, ментальных) крестьянской жизни и в конечном итоге к ликвидации крестьянства как социальной страги. Крестьянское население в этот период понесло огромные людские потери, которыми «оплатило» большевистские социальные эксперименты. В 30-е гг. XX в. история крестьянства России как общности с особым – регламентированным традицией – укладом жизни трагическим образом завершилась. Вместе с тем с начала двадцатого века – это отмечено многими исследователями – сельское население демонстрировало высокую социальную активность, проявлявшуюся в разнообразных формах. Потрясения, социальные тектонические «сдвиги» первых десятилетий XX века способствовали повышению роли крестьянства, его влияния на общественные процессы. Большинство исследователей, независимо от политических и методологических позиций, разделяют мнение о том, что «крестьянственность» – социальные ожидания, стереотипы (паттерны) мышления и поведения крестьянства – во многом определила характер русской революции 1917 г. и рожденного в ней советского («социалистического») государства. В этом состоит одна из главных причин исследовательского интереса к изучению социальной активности российского крестьянства в первые десятилетия XX века.

В последние два десятилетия формы самоорганизации крестьянства нередко становились предметом специальных исследований [17]. В этот период в исторической науке усилилось влияние идеологий (неонародничество и др.) и концепций, которые, в отличие от «бывшего» марксизма-ленинизма, рассматривают крестьянство в качестве силы

историчекой, способной к творчеству и самоопределению. Изучению истории социальных групп, классов с точки зрения их «самодеятельности», «самоорганизации» способствовало распространение синергетической парадигмы в общественных науках. Она предполагает акцент на исследовании таких явлений, как динамика неравновесных (самоорганизующихся) систем; спонтанное возникновение структур из хаоса (самоорганизация). Цивилизационный подход, получивший распространение в постсоветский период, также является весьма продуктивным с точки зрения изучения традиционного общества, обозначаемого как «община», «двор», крестьянский «мир». Ослабление позиций формационного подхода с рубежа 1990-х гг. было обусловлено не только исчезновением партийного диктата, но и кризисом модернистской парадигмы с ее установкой на рассмотрение исторического процесса как детерминированного восходящего развития в категориях «прогресс–реакция», «современное–архаичное» и т. д. Это также создавало возможность для рассмотрения крестьянства не как «бесперспективного» класса, объекта воздействия государства, а как самостоятельной исторической силы, способной «встроиться» в общественное развитие и обогатить его своими традициями и социальным опытом.

Важное «постановочное» значение для этой проблематики имеет трактовка термина «крестьянская организация». Ряд авторов предлагает определения этого понятия и критерии классификации крестьянских организаций. Полемика по данному вопросу, по сути, отсутствует, поскольку классификация этих структур осуществляется в контексте задач конкретного исследования и не претендует на универсальное значение. Заслуживает внимания точка зрения П. Куренышева, поскольку в его исследовании впервые системно, комплексно рассматривается история крестьянских организаций в XX в. Этот термин трактуется автором очень широко; он включает организации, состоящие из крестьян, выражающие крестьянские интересы и/или включающие в свое название слово «крестьянская». В соответствии с авторской классификацией они делятся на государственно-политические, хозяйственно-политические, военно-политические и т.н. псевдокрестьянские [14, с. 11–12].

Среди работ, восполняющих фрагментарность в исследовании самодеятельных организаций начала XX в., следует отметить публикации по истории Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Ряд важных обобщений по истории создания и деятельности ВКС были сделаны О.Г. Вронским. Формирование ВКС, по его мнению, было тесно связано с развернувшимся в России в первой половине 1905 г. «союзным дви-

нением». ВКС не был результатом деятельности партии социалистов-революционеров; однако наряду с ним существовали крестьянские союзы партии эсеров [6].

В последнее десятилетие стали исследоваться такие формы самоорганизации, как крестьянские братства. Так, в работе Г.А. Салтык содержится немало фактов о деятельности крестьянских братств, их связи с неонародническими группами. По мнению историка, возникновение первых крестьянских братств было связано с деятельностью тамбовских эсеров [18].

В 1990-е гг. сохранился традиционный интерес исследователей к поземельной общине. В многочисленных публикациях отмечается, что крестьянская община была локальным «миром», регулируя все стороны жизни деревни – социальные, хозяйственные, поземельные, культурно-бытовые отношения и т. д. Она осуществляла социальный контроль, была «хранительницей» традиционных ценностей и норм, представляла интересы сельчан во взаимоотношениях с внешним миром. Община была универсальной формой самоорганизации сельчан – социальной, хозяйственной, общественно-политической, военной. Она представляла собой пластичную «субстанцию», которая легко мимикрировала под различные административные и организационные формы. Поэтому во многих случаях низовые крестьянские организации представляли собой общинные структуры [11; 14; 19; 20].

Среди специальных публикаций, посвященных общине, ее институтам, преобладают региональные исследования [2; 3; 8; 19; 20]. Они показывают, что община в известной мере эволюционировала, приспособлялась к развитию капиталистических отношений. Вопрос о социальном и хозяйственном потенциале общины, ее перспективах дискутируется, главным образом, в связи аграрной реформой П.А. Столыпина и ее реализацией. Большинство авторов считает общину в начале XX в. отжившим институтом, находившимся в глубоком кризисе. Вместе с тем влиятельной является точка зрения, согласно которой общинные традиции представляли значительную хозяйственную и социальную ценность и могли стать основой прогресса в сельском хозяйстве. Так, по мнению Соловьева, традиционная община могла – при поддержке государства – трансформироваться в более современную форму – кооперацию [20, с. 23–26].

Возможности самоорганизации крестьянства были ограничены государственной властью. В революцию 1917 г. и последовавший за ней период «пространство самоорганизации» крестьянства значительно рас-

ширилось. Изучение самодеятельных организаций в послереволюционные годы взаимосвязано с такими важнейшими проблемами, как соотношение организации и стихийности, внутренних и внешних факторов в революционном процессе и др. В публикациях 1990–2000-х гг. нередко отмечается иницирующая роль в создании постреволюционных крестьянских организаций земств, кооперации, общины, местных властей, партии эсеров [1; 4; 9; 10; 14]. В советской историографии такие факты и явления не акцентировались или обозначались как «соглашательство» и т. д. В ряде публикаций обосновывается тезис о том, что требование классового характера крестьянских организаций, выдвигавшееся наиболее радикальной частью революционной демократии, способствовало сохранению сословных принципов в организации власти и в конечном итоге стало одной из причин перерастания буржуазной революции в общинную [14, с. 261]. Граница между крестьянскими организациями часто была подвижной, даже условной; все они были теснейшим образом связаны с «миром», проникнуты общинным коллективизмом. Низовые организации были «многоцелевыми»; однако главной задачей было получение продовольствия для города. Это позволяет утверждать, что в годы революции и гражданской войны «принципиальным» был не земельный, а продовольственный вопрос [14, с. 268].

Современные исследования позволяют сделать вывод о том, что революция не стала «переломным рубежом», «водоразделом» в деятельности низовых самодеятельных организаций. В послереволюционные годы основой социального устройства деревни и механизма ее взаимоотношений с властью оставалась община. Материалы изучения комбедов, создававшихся для внесения классового раскола в деревню, показывают, что эта организация зачастую оказывалась в зависимости от общинных институтов. Комбеды были дееспособными, главным образом, в тех случаях, когда они приспособлялись к «мирским» нормам и традициям и становились своего рода внутриобщинным механизмом [14, с. 357–375].

В 1990–2000-е гг. значительное количество публикаций было посвящено повстанческой самоорганизации крестьянства в годы гражданской войны [7; 17]. В современной историографии утвердилось представление о крестьянстве как «третьей силе» в гражданской войне. Большинство исследователей разделяет мнение о том, что переход к НЭПу стал результатом поражения большевистской власти в войне с крестьянством. В связи с этим имеет сторонников точка зрения, что нэповская общественная модель стала реализацией социальных ожиданий крестьянства, воплощением «крестьянской утопии» [17, с. 178].

В годы нэпа существовали многочисленные организации – советы, кооперация, земельные общества, крестьянские комитеты взаимопомощи (кресткомы), беспартийные крестьянские конференции и др., – в которых сельчане могли проявить социально-хозяйственную и общественную активность. Исследования низовых организаций показывают, что на нижних «этажах» власти и управления в нэповской деревне доминировали традиционные (общинные) структуры. В работе О.Ю. Яхшияна содержится интересный анализ механизма распространения (экспансии) общинных традиций в системе низовой власти и социальной организации общества. Автор сделал вывод о том, что волостные и сельские советы в годы нэпа представляли собой общинные институты [23, с. 9–18]. На наш взгляд, этот тезис весьма умозрительен; он «дедуктивно» выводится из концепции «крестьянской революции 1902–1922 гг.» Т. Шанина – В. Данилова и положений крестьяноведения. Точка зрения О.Ю. Яхшияна в целом не получила поддержки со стороны исследователей. Тем не менее в публикациях многих авторов приводятся материалы и факты, свидетельствующие о том, что нормы и механизмы традиционного крестьянского самоуправления в 1920-е гг. оказывали большое влияние на деятельность советов, земельных обществ, кресткомов (ККОВ). Формирование самой многочисленной общественной организации 1920-х гг. – комитетов (обществ) взаимопомощи – было обусловлено стремлением властей использовать главную функцию общины – взаимопомощь – для решения социальных, хозяйственных и др. задач [5].

Большая роль традиционного самоуправления в годы НЭПа была обусловлена слабостью низового звена государственной власти и ограничивалась местным, локальным уровнем. Недовольство сельского населения политической системой НЭПа, слабой представленностью своих интересов на средних и верхних «этажах» власти была причиной популярности идеи Крестьянского союза. Крестьянский союз как феномен массового сознания нэповской деревни стал в последнее десятилетие предметом анализа в ряде специальных публикаций [15; 17; 22].

Можно заключить, что рассмотренная – в историографическом аспекте – тематика включает направления, характеризующиеся различным уровнем научного «освоения». Наряду с проблемами, имеющими значительную традицию изучения, можно выделить ряд вопросов, которые до сих пор затрагивались лишь на уровне постановки проблемы или в качестве периферийной проблематики. Недостаточно разработан-

ным является источниковедческий и историографический аспект; его анализ почти ограничивается соответствующими разделами диссертаций и монографий. Тем не менее позитивные тенденции современной историографии – расширение проблематики, выявление новых сторон и «граней» в рамках традиционной проблематики, применение разнообразных концептуальных подходов и методик – являются, на наш взгляд, определяющими для характеристики состояния и перспектив изучения низовых самодеятельных организаций в первые десятилетия XX века.

Библиографический список

1. Абрамов В.Ф. Российское земство. Экономика. Финансы. Культура. М., 1996.
2. Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период, 1861–1900 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.
3. Верняев И.И. Крестьянский социум Псковского края (вторая половина XIX в. – первая четверть XX в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
4. Герасименко Г.А. Народ и власть в 1917 г. М., 1995.
5. Григорьев В.С. Взаимодействие политики и народных традиций. (Социально-политическая роль органов крестьянской взаимопомощи в России 1921–1941 гг.). Чебоксары, 1997.
6. Вронский О.Г. Государственная власть в России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917 гг.). М., 2000.
7. Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп: организация и деятельность Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии, 1920–1921 гг. // Отечественная история. 1993. № 4.
8. Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995.
9. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
10. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в русской революции 1917 года. Самара, 2002.
11. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2006.
12. Его же. Гражданская война 1918–1921. Урок для XXI века. М., 2003.
13. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
14. Куренышев А.А. Крестьянские организации в первой трети XX века. М., 2004: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

15. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский союз. 1905–1930: Мифы и реальность. М., 2004.
16. Мякотин А.А. Проблема общественного самоопределения крестьянства в годы НЭПа (на материалах Среднего Поволжья) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2007.
17. Посадский А. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905–1945 годах. Саратов, 2004.; и др.
18. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного центра России. 1901–1923 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
19. Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.
20. Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община в пореформенные период. 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
21. Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.
22. Яхшиян О.Ю. Идея Крестьянского союза в годы нэпа // Российская история XX века: проблемы науки и образования: материалы научной конференции 15–16 сентября 2004 года. М., 2004.
23. Его же. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Н.Н. Зоркова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

ОТНОШЕНИЕ К СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, ЗЕМСКИХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОГО КРАЯ)

Аграрный вопрос в начале XX века в России стал одним из главных, если не самым главным вопросом, от решения которого зависела судьба страны. Попыткой решения этого «проклятого» вопроса стала аграрная реформа российского правительства во главе с П.А. Столыпиным, вокруг которой в обществе сразу развернулись ожесточенные споры о возможностях и путях аграрного реформирования страны.